Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание»^{1, 2}

Д.Д. Дарси, А.Н. Сталберг

Дарси Джонатан — аспирант, Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology; 781 Marietta Str., NW Atlanta, GA 30318 USA; E-mail: jonathan.darsey@gatech.edu

Сталберг Адам Н. — PhD, профессор, Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology; 781 Marietta Str., NW Atlanta, GA 30318 USA; E-mail: adam.stulberg@inta.gatech.edu

Современный стратегический ландшафт отношений между Россией и Западом омрачен взаимными экономическими санкциями, несмотря на незначительное число убедительных доказательств их эффективности. Складывается впечатление, что и Россию, и Запад устраивает ситуация, при которой их поведение, связанное с применением санкций, характеризуется высокой частотностью случаев наложения санкций при их низкой эффективности; при этом отсутствуют очевидные развилки для продолжения или эскалации нынешней санкционной политики. Какие факторы стали причиной формирования клубка противоречий между США, ЕС и Россией по вопросу о санкциях и какие шаги могут быть сделаны для их преодоления? Авторы статьи ищут ответы на данные вопросы путем сравнения связанных с санкциями дискурсов российского и западного стратегических сообществ. Исследование основано на выборке из более чем 1000 академических статей, опубликованных с 2010 г. Статистический анализ выпуска публикаций, анализ паттернов цитирования и текстовой контент-анализ данных статей показывают, что российское и западное «мировосприятия» противостоят друг другу: для каждого сообщества характерно свое понимание значения, целей, процессов и легитимности связанного с применением санкций поведения. Это, в свою очередь, позволяет сделать еще один вывод: чтобы разрубить клубок санкционных противоречий, российское и западное стратегические сообщества должны углублять понимание мировосприятия противоположной стороны, вовлекаться во взаимодействие друг с другом и постепенно переоценивать свое понимание убеждений, целей и ожиданий, лежащих в основе существующей практики применения санкций каждой из сторон.

Ключевые слова: санкции; Россия; США; ЕС

Для цитирования: Дарси Д.Д., Сталберг А.Н. (2019) Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. Т. 14. № 3. С. 69–98 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04.

¹ Статья поступила в редакцию в феврале 2019 г.

Перевод выполнен П.А. Дорониным, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

² Спонсором данного исследования любезно выступила Корпорация Карнеги в Нью-Йорке.

Современный стратегический ландшафт отношений между Россией и Западом омрачен санкциями, которые превратились в ключевой инструмент экономического противостояния. В июне 2019 г. члены Совета ЕС единогласно проголосовали за сохранение экономических санкций в отношении России в качестве одной из мер усиления реакции на действия Москвы в отношении Крыма и Севастополя и пробуксовку соглашения о перемирии на востоке Украины³. С принятием в 2017 г. Закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA) меры по оказанию давления на Москву путем введения санкций в отношении отдельных лиц, компаний и секторов экономики были кодифицированы в американском законодательстве. Санкции, по сути, являются достаточно прямолинейным инструментом американской политики в отношении России; с учетом того, что противодействие их принятию чревато высокими политическими издержками для президента (Трампа. — *Примеч. пер.*), а их снятие теперь требует законодательных мер, санкции дают Конгрессу США серьезный стимул для того, чтобы взять более жесткий курс на ограничение свободы действий руководства исполнительной власти в обеих странах. Соответственно, последовавшие предложения со стороны обеих партий, которые циркулируют сейчас в Конгрессе, в частности, по занесению в «черный список» крупных российских государственных банков и блокировке транзакций, связанных с будущими выпусками российских долговых обязательств, нависают над западными инвесторами в российскую экономику подобно дамоклову мечу [Kluge, 2019]. В свою очередь, российское руководство также принимает пакеты «контрсанкций», оптимизирующих процессы принятия межправительственных решений, усиливающих запреты на перемещение физических лиц и расширяющих эмбарго на определенные категории сельскохозяйственной продукции, включая различные виды обработанных и приготовленных продуктов питания, а также предметы роскоши, импортируемые из ЕС, США, Австралии, Канады, Норвегии и Исландии.

Между тем налицо пропасть между самим фактом существования санкций и контрсанкций и наличием реальных доказательств их успешности. Западные санкции в отношении России категорически не смогли достичь заявленных целей по принуждению Москвы к проведению определенной политики, будь то вопрос о восстановлении суверенитета Украины над Крымом или о полном выполнении Минских соглашений, или о признании ответственности за организацию нападения на Скрипалей, или о прекращении поддержки режима Асада в Сирии, или об отказе от вмешательства в избирательные процессы в США. Несмотря на расширяющийся список российских энергетических компаний, которые становятся объектом санкций, и демонстративное введение санкций в отношении фирм, вовлеченных в строительство вызвавшего множество противоречий трубопровода «Северный поток — 2», объемы экспорта российского газа в Европу с 2014 г. выросли до беспрецедентных значений. На более фундаментальном уровне санкции в отношении России несовершенны как в части разработки — например, санкции преследуют неконкретные, пересекающиеся и запутанные цели; американским, европейским и азиатским стейкхолдерам свойственны различные приоритеты и различный уровень «болевого порога» (то есть степень терпимости к тем или иным действиям российского правительства. — *Примеч. пер.*); возможности глобального воздействия и влияния российской элиты на процессы при-

³ Согласно заявлению Совета ЕС, экономические ограничения и санкции были введены в ответ на «незаконную аннексию» Крыма и Севастополя, которая в официальной российской формулировке обозначается как «воссоединение» территорий. Обоснование отдельных санкций, введенных ЕС, см. в: [ЕС, EU, n. d.].

нятия решений по вопросам национальной безопасности были переоценены; не была принята во внимание уязвимость санкционной политики в условиях волатильности нефтяных цен; не была сделана поправка на российские методы секьюритизации и ответные меры экономической политики; так и в части реализации, о чем свидетельствует хаотичное наложение и снятие санкций в отношении российского алюминиевого гиганта — компании «Русал»; появление признаков возможности постепенной сдачи позиций; отсутствие более широкой рамочной стратегии эскалации и деэскалации; а также отсутствие институционализированного диалога между лицами, принимающими решения, в Америке и Европе для достижения общих целей и определения возможных развилочек [Connolly, 2018; Keatinge et al., 2017].

Точно так же проваливается и заявляемая Россией санкционная политика. Потенциал контрмер Москвы ослабляется отдельными изъятиями из эмбарго в отношении европейской сельскохозяйственной продукции, действиями Белоруссии, которая с готовностью стала реэкспортером (европейской сельскохозяйственной продукции. — *Примеч. пер.*), сокращением доли России в международной торговле и зависимостью России от западных финансовых систем, а также снижающейся покупательной способностью российских потребителей. Политика, проводимая для ограждения компаний от западных санкций, ухудшает российский инвестиционный климат, поскольку усугубляет структурные проблемы, повышает степень юридической неопределенности в отношении прав собственности и контроля, а также разжигает конфликты и снижает предсказуемость при распределении государственного финансирования для крупномасштабных проектов [Trickett, 2019]. Совокупная торговля Москвы с Пекином выросла, что подкрепляет заключение странами соглашений по масштабным сделкам и другие символические жесты, свидетельствующие о единой позиции двух стран по политическим вопросам, однако согласованные усилия сторон по стратегической диверсификации торговли заходят в тупик вследствие неготовности китайцев осуществлять крупные инвестиции в российские инфраструктурные проекты и входить в капитал российских государственных компаний — во многом по причине ожиданий низкой рентабельности данных проектов и опасений в конечном итоге оказаться в западных санкционных списках [Simes, 2019]. Потери российской экономики от западных санкций, возможно, и не составляют 1,5% от размера ВВП ежегодно, как их оценивают зарубежные эксперты. Однако по данным, приведенным президентом России В. Путиным, западные санкции обошлись российской экономике примерно в 50–55 млрд долл. США. Несмотря на заявления о том, что Европа понесла от санкций больший ущерб, Москва так и не смогла остановить процесс эскалации санкций или вбить клин разногласий между западными партнерами, которых отличает разный уровень заинтересованности в развитии торговых связей и враждебности в отношении России [Официальный сайт Президента России, 2019]⁴.

Любопытно, однако, насколько широко распространена позиция, согласно которой не следует беспокоиться по поводу наличия этой разобщенности между «высокой частотой применения и низкой эффективностью» санкционных мер. Почему так происходит? Принимают ли все стороны желаемое за действительное, когда делают ставку на то, что соответствующие санкции или контрмеры покажут свою эффективность со временем? С другой стороны, возможно, об успехе государственной экономической

⁴ По другим оценкам, российские санкции оказывают крайне незначительное влияние на европейский экспорт (как общий, так и сельскохозяйственный), тогда как российские потери могут ежегодно исчисляться цифрами, вдвое превышающими приводимые В. Путиным. См., в частности: [Aslund, 2019; Gros, Di Salvo, 2017]. Более широко проблема освещена в работах: [Kastakova, Baumgartner, Zatko, 2018; Тимофеев, 2018, с. 120–124].

политики можно судить по косвенным признакам, например, по символической или сдерживающей ценности, которую создают санкции, вызывая недовольство у объекта наложения санкций и предотвращая его дальнейшее нежелательное поведение? Или же санкции просто рассматриваются как «лучший из плохих» способов выражения протеста против агрессивного поведения противостоящей стороны, чтобы ослабить напряжение внутри страны, предприняв «хотя бы какие-то» шаги, и при этом избежать более радикальных мер реагирования? Что весомее — соответствующие внутриполитические издержки бездействия или издержки стратегического характера, связанные с нагнетанием напряженности, без которого сохранение санкций будет бессмысленным?

Все эти вопросы рассматриваются в данной статье в попытке разъяснить существующие между Западом и Россией противоречия по вопросу санкций, с акцентом на особенностях противопоставленных друг другу стратегических подходов. Как отмечалось ранее, существует множество условий и предпосылок, отмечаемых в равной степени и исследователями, и практиками, которые заводят в тупик стратегии как инициаторов, так и объектов санкций. Вместе с тем в основе проблем этих стратегий лежит не иррациональный расчет или когнитивный диссонанс, или отказ руководства принимать во внимание издержки стратегического характера, а несоответствие между западными и российскими предубеждениями и ожиданиями в отношении санкций. Как свидетельствует анализ данных в рамках изучения наиболее масштабных трендов в исследовательских и политико-аналитических дискурсах, существует концептуальное различие между (западным и российским исследовательскими. — *Примеч. пер.*) сообществами, которые придерживаются фундаментально различающихся позиций по вопросам значения, целей, процессов и легитимности поведения, связанного с санкциями. Более того, противопоставленные друг другу западное и российское «мировоззрения» на проблематику санкций разрушают стратегическое взаимодействие, подкрепляя стремление сторон к выбору в пользу асимметричных действий, приписывая различный смысл схожим событиям, вызывая неразбериху с озвучиваемыми угрозами, обосновывая необходимость несения издержек и срывая проработанные инициативы; кроме того, такой подход делает однобоким восприятие той или иной стороной эффективности поведения, связанного с санкциями, с точки зрения успешности их воздействия и получения преимущества над оппонентом. Таким образом, сохранение статус-кво не просто станет подпиткой для усиления взаимного ошибочного восприятия и стратегической враждебности между западными и российскими политическими кругами, но несет в себе риски опасной эскалации, которая может скрываться под маской принятия желаемого за действительное или фиксации на внутриполитических издержках.

Содержание данной статьи раскрывается в четырех частях. В первой части проводится декомпозиция стратегической логики санкций и подвергаются критике допущения общего характера, которые лежат в основе современных оценок эффективности. Вторая часть обосновывает ценность применения методов анализа данных для систематического извлечения и дезагрегации обширных паттернов формирования систем взглядов, содержащихся в массивных корпусах данных стратегического дискурса. В финальной части резюмируются полученные в результате анализа данных выводы относительно трендов в структуре и содержании исследовательских дискурсов по проблематике санкций и контрсанкций на Западе и в России. В четвертой части излагаются последствия расхождений в стратегическом мировосприятии с точки зрения эффективности соответствующих действий, связанных с применением санкций, как со стороны Запада, так и со стороны России, а также с точки зрения поиска возможных развилок для снижения эскалации.

Для спора нужны (по крайней мере) двое⁵

Экономические санкции являются инструментом государственной политики в интересах достижения определяемых в широком или узком смысле внешнеполитических целей, который направлен на затруднение условий для экономического и финансового обмена (с участием противостоящей стороны. — *Примеч. пер.*). Как правило, они проектируются в расчете на нанесение ущерба рационально действующему объекту санкций, для которого выгоды от изменения политики перевесят выгоды от продолжения сопротивления, и при этом санкции должны быть оправданными с точки зрения издержек, которые понесет субъект санкций. «Умные» санкции, по определению Д. Дрезнера, представляют собой разновидность «высокоточного оружия» среди различных методов экономического противодействия. Они «нацелены на нанесение ущерба элитам и ключевым сторонникам режима, являющегося объектом санкций, и при этом характеризуются стремлением причинить минимальные неудобства населению подвергнутой санкциям страны. Как утверждается, под воздействием меняющихся материальных стимулов влиятельные сторонники режима в конечном итоге начнут оказывать на правительство страны — адресата санкций давление, чтобы оно пошло на уступки» [Drezner, 2018, p. 252]. В данной логике санкции могут преследовать различные цели, например, заставить объект санкций отказаться от определенных действий в будущем, ограничить поведение объекта санкций, наказать объект санкций или сменить режим в подсанкционной стране, а также послать сигнал в адрес объекта санкций или третьей стороны о неодобрении субъекта санкций или необходимости соблюдения определенных норм. Санкционные стратегии могут быть сформулированы различным образом, в частности, как комплексное наказание или применение постепенного адресного давления на объект санкций, а также наложение штрафов на компании внутри страны или экстерриториальных партнеров, имеющих коммерческие отношения с объектом санкций; могут быть в равной степени направлены как на врагов, так и на союзников, а также на внутренних стейкхолдеров. Соответственно, санкции по определению имеют динамические и стратегические характеристики; относительная полезность как альтернативных форм, так и результатов санкций определяется соотношением ожиданий, предпочтений и поведения субъектов и объектов санкций и третьих сторон.

Эффективность санкций не является ни очевидной, ни равнозначной в каждом отдельном случае. Следует отличать *успешность санкций* — достижение их стратегических целей — от *воздействия санкций* — наблюдаемых политических издержек, которые несет объект санкций [Connolly, 2018, p. 10]. Будучи результатом стратегического взаимодействия, «успех» санкций не может быть гарантирован политикой какого-то одного государства. Неудивительно, что существующие исследования тематики санкций, как правило, приходят к неутешительным выводам: после Второй мировой войны только в трети случаев введенные санкции достигали цели изменить поведение объекта санкций, а если не учитывать такие варианты развития событий, когда цели субъекта санкций достигаются лишь частично, то доля успешных случаев применения санкций и вовсе составляет лишь 5% [Hufbauer, Schott, Elliott, 1985; Pape, 1997]. Более того, уступки в ответ на применение санкций не вытекают непосредственно из оценки соотношения издержек и выгод, проводимого объектом санкций в условиях стратегического вакуума. Напротив, причинно-следственные связи варьируются в зависимости от кон-

⁵ В англ. версии — It Takes (at least) Two to Tango — отсылка к устойчивому выражению «Для танго нужны двое» (“it takes two to tango”). (*Примеч. пер.*).

текста. К примеру, большое значение имеет оперативная цель санкционной стратегии. В этом смысле большинство исследований приходят к выводу, что санкции с большей вероятностью будут успешными, если их формулировать в качестве символического жеста либо угрозы сдерживания или принуждения объекта санкций к определенным действиям, а не в формах фактического применения наказания, сдерживания, смены режима или создания новых международных норм [Drezner, 2003; Connolly, 2018, p. 11–14].

Научная литература полна дискуссиями, однако не вызывает сомнений, что успешность санкций напрямую зависит от субъектов, объектов санкций и третьих сторон. Если рассуждать с позиции субъекта, санкции успешны, если они: а) действуют непродолжительное время, а не имеют ограничения по сроку применения; б) предполагают многостороннее и институционализированное сотрудничество с третьими сторонами; в) нацелены или иным образом воздействуют узконаправленно на акторов, влияющих на политику режима. Аналогичным образом можно прогнозировать, что объект санкций будет более склонен под воздействием санкций изменить соответствующим образом свою политику, если санкции затрагивают его соратников или если объект санкций больше дорожит взаимоотношениями с субъектом санкций, нежели со своими противниками; если издержки от санкций для их объекта весомее, чем принципиальность (спровоцировавшего санкции. — *Примеч. пер.*) вопроса; и если они нарушают статус-кво в ущерб тем объектам санкций, которые в своей политике нацелены на ревизионизм или оценивают вероятность конфликта в будущем как высокую. В дополнение к этому исследования показывают, что успешность санкций в значительной степени зависит от типа политического режима. Изолированные авторитарные режимы с успехом переключаются связанные с санкциями издержки на общество и добиваются сплоченности населения перед лицом санкций вследствие «ралли-эффекта»⁶, тогда как от демократических режимов, напротив, можно ожидать большей готовности идти на уступки, поскольку они подвержены давлению медианного избирателя, исходящего от группы общества, значительно пострадавшей от санкций⁷. Еще одна группа исследований указывает на условия, способствующие нарушению режима санкций третьими сторонами. Фирмы и государства, «вчерную» работающие с подсанкционными государствами в обход санкций, появляются в том случае, если санкции создают высокодоходные коммерческие возможности, при этом третьи страны могут встать на путь нарушения режима санкций и по политическим причинам, в том случае если рассматриваемый кейс имеет для них весомое политическое значение [Early, 2015].

С практической точки зрения задача обеспечения успешности санкций состоит в управлении динамикой игры в «кошки-мышки» между субъектом и объектом санкций. Как резюмировал один бывший практик (внешней политики. — *Примеч. пер.*), «цель состоит в сооружении лабиринта, по которому подсанкционная жертва должна прийти к желаемому санкционером изменению политики, тем самым дойдя до конца лабиринта». Это означает, что субъекты санкций призваны придерживаться следующих аксиом: а) четкое определение целей для нанесения ущерба и минимально требуемых корректирующих действий со стороны объекта санкций для облегчения своего положения; б) глубокое понимание уязвимостей, интересов и обязательств объектов

⁶ «Ралли-эффект» (англ. “rally around the flag” effect) — термин в политической науке, означающий феномен резкого роста поддержки власти в условиях международных конфликтов, внешней угрозы и прочих кризисных ситуаций (*Примеч. пер.*).

⁷ См. описание дискуссии по данному вопросу в работах: [Drezner, 2018; Connolly, 2018, p. 16–22; Copeland, 2014; Ang, Peksen, 2007; Biersteker, van Bergeijk, 2016].

санкций; в) параллельное оказание дозированного давления на различные области уязвимости объекта санкций и избежание попыток воздействия на те области, которые являются его сильными сторонами; г) тщательный мониторинг и гибкая калибровка действий в случае неожиданного нахождения объектом решения поставленных перед ним санкциями проблем; д) необходимость убедиться в том, что объект санкций продолжит придерживаться требуемых от него действий по мере постепенного снижения давления; и е) готовность признать неудачу и рассмотреть возможность применения альтернативных стратегий или смириться с необходимостью нести издержки, связанные с сохранением санкций, в долгосрочном периоде [Nephew, 2018, p. 179–185].

Кроме того, стратегический ландшафт изобилует парадоксами. Как отмечалось выше, санкции в отношении друзей и союзников субъекта санкций — когда происходит отказ от какого-либо элемента, воспринимаемого как ценность, — обычно оказываются более эффективными, чем санкции в отношении врагов. Аналогично санкционные меры, которые кажутся наиболее действенными на стадии оглашения угрозы, на деле могут оказаться подрывающими способность субъекта санкций выдержать противостояние в случае, если приходится прибегнуть к их практической реализации. Иначе говоря, угроза санкций вызывает больше доверия и более отличима от «дешевого треп», если субъект санкций готов нести издержки, связанные с их воплощением в жизнь. При этом более устойчивыми оказываются те санкции, которые связаны с менее значительными издержками на их реализацию. Таким образом, субъекты санкций сталкиваются с «Дилеммой Голдилокс»⁸, когда им необходимо выдвинуть угрозу такой силы, которая убедит объект санкций в готовности субъекта нести издержки, связанные с применением санкций, в объеме, достаточном для того, чтобы эффективно удерживать объект санкций от определенных действий или принудить его к определенным действиям, и при этом избежать фактического несения таких издержек, которые подрвут их способность эффективно поддерживать санкционное давление. Существует также определенный нюанс, связанный с типом политического режима. К примеру, демократии более эффективны в качестве субъектов санкций, чем в качестве объектов санкций, успешно им противостоящих. Если судить по более широкой подборке литературы о политике принуждения, демократические государства, угрожая применением санкций, выглядят более убедительно из-за наличия у прозрачной и институционализированной системы сдержек и противовесов как сдерживающей, так и утверждающей функции, тогда как непрозрачность авторитарных режимов может негативно сказаться на способности объектов санкций отличать реальные угрозы от блефа и игры на внутреннюю аудиторию, подпитывая тем самым решимость объектов санкций продолжать оказывать сопротивление [Schultz, 2009; Hart, 2000]. Еще один парадокс заключается в том, что санкции, как правило, более эффективны в сочетании с обнадеживающими сигналами и явными указаниями на способы их снятия; однако интеграция таких позитивных стимулов (в санкционную риторику. — *Примеч. пер.*) чревата усугублением проблемы морального риска и опасностью формирования репутации субъекта санкций как игрока, ориентированного на политику умиротворения [Haftner-Burton, Montgomery, 2008]. В то же время сама нацеленность санкций на ограничение торговли и доступа объекта санкций на рынки может создавать стимулы для создания и наращивания неформальной, организованной преступной, незаконной деятельности, деятельности на черном

⁸ Голдилокс — имя девочки — героини сказки о трех медведях. Пробуя кашу из трех плошек, Голдилокс выяснила, что предпочитает не горячую и не холодную кашу, а кашу такой температуры, которая ей «в самый раз». По аналогии с этой сказкой говорят о «Дилемме Голдилокс» или «Принципе Голдилокс», когда речь идет о необходимости очень точного баланса в чем-либо (*Примеч. пер.*).

рынке, которая обеспечивает эффективный обход санкций и ослабляет механизмы прозрачного международного обмена, в том числе с государствами, не являющимися объектами санкций [Andreas, 2005; Long, 1996].

Несмотря на предопределенность логики и парадоксы соперничающих дискурсов, есть несколько базовых допущений, которые распространяются на всю существующую литературу о санкциях. Во-первых, считается, что поведение акторов рационально: субъекты и объекты санкций просчитывают издержки, выгоды и вероятности при принятии соответствующих решений о наложении санкций и готовности подчиниться или не подчиниться требованиям, выдвигаемым при наложении санкций. Соответственно, требования субъекта санкций, способного угрожать или реально накладывать на объект санкций более суровое наказание, будут скорее выполнены более слабым объектом санкций. Преимущества в силе — экономической и военной — в основном влияют на оценку субъектом санкций масштабов ущерба, которому он готов подвергнуть объект санкций, что определяет конечное решение объекта санкций об игнорировании или выполнении требований санкционера [Yupan, Waxman, 2001]. Таким образом, невыполнение требований, которые выдвигаются при наложении санкций, порождающих, по признанию обеих сторон, значительные издержки, обычно объясняется внешними политическими факторами, когнитивным диссонансом или же иными причинами, подрывающими способность к рациональному принятию решений.

Во-вторых — и это допущение следует из первого — считается, что как субъекты, так и объекты санкций предположительно имеют единое понимание относительно издержек и выгод. Иерархии предпочтений могут различаться, а санкции — по-разному влиять на различные группы интересов государства — объекта санкций (что требует большей адресности применения), однако сформировалось, по всей видимости, общее понимание, что чем более болезненны издержки, которые несет влиятельный объект санкций, тем выше вероятность, что он пойдет на выполнение требований санкционера для облегчения своего положения. Санкции работают, если они влекут за собой значительные издержки для политически значимых стейкхолдеров, стимулируя их к воздействию на объект санкций с целью изменения его поведения; санкции проваливаются, когда разорвана эта связь между понесенными экономическими издержками и политическим влиянием [Drezner, 2018]. Следовательно, ключевой задачей для субъекта санкций является не разъяснение правительству — объекту санкций того, что выполнение выдвинутых санкционером требований станет наиболее адекватным ответом для устранения понесенного ущерба, а поиск внутри подсанкционной страны наиболее релевантных (с точки зрения воздействия на режим. — *Примеч. пер.*) общественных сил и нацеливание (санкционных мер. — *Примеч. пер.*) именно на них.

В-третьих, широко распространено мнение, что угрозы наложения санкций воспринимаются их адресатами как намерения. С учетом неопределенности, искажения восприятия и асимметрии информации убедительность угроз определяется преимущественно действиями субъекта санкций по демонстрации собственной решимости через сигналы, связанные со значительными издержками. В традиционных контекстах переговоров, связанных с принуждением, убедительность угроз может достигаться через донесение до объекта принуждения понимания, что угрожающая сторона уже понесла невозвратные издержки вследствие озвученной угрозы (и что ситуация не может быть отыграна назад); или же, что свобода действий угрожающей стороны ограничена обязательствами перед внутренними или сторонними стейкхолдерами и что у нее не будет иного выбора, кроме как перейти к введению санкций в случае отказа их объекта от выполнения выдвигаемых требований [Sescher, Fuhrmann, 2017]. По-видимому, чем более явно это будет выражено, тем убедительнее будет выглядеть угроза и тем

выше вероятность выполнения требований объектом, для которого издержки имеют чувствительный характер. Соответственно, центральное место в переговорах между субъектами и объектами санкций занимают коммуникации посредством сигналов и других дипломатических мер.

Эти традиционные допущения, однако, небыстречны. Баланс сил может влиять на масштабы запросов субъекта санкций, равно как и на оценку объектом издержек, которые он понесет, отказавшись выполнять выдвинутые ему требования. Оценивая то, как были восприняты выдвинутые требования, более влиятельный актор может потребовать от объекта санкций новых уступок, а более слабый будет готов умерить свои аппетиты. Кроме того, качество коммуникации — не единственная проблема в процессе международного обмена сигналами. Восприятие сторонами сигналов может в значительной степени зависеть от того, насколько они «на одной волне», в когнитивном и политическом смысле, при их обработке. Так, асимметрия восприятия сторонами легитимности и эффективности более ранних случаев применения санкций может привести к тому, что объекты санкций сделают совсем иные выводы относительно убедительности угроз или значения определенных действий, вне зависимости от того, насколько выражено себя проявляет субъект санкций в демонстрации искренности угроз или прямолинейности применения санкций. В то же время как субъекты, так и объекты санкций могут понести невозвратные издержки и оказаться в ситуации, когда с точки зрения ситуации внутри страны у них связаны руки, что приводит к блокированию мышления и политики, сводя на нет какую бы то ни было значимость дипломатических коммуникаций.

От выстраивания альтернативных причинно-следственных связей между экономическими издержками и готовностью идти на политические уступки обычно предостерегают утверждением о том, что «все в мире одинаково». Но, как отмечает Дрезнер, не все в мире одинаково [Drezner, 2018, p. 268]. То, каким способом США демонстрируют решимость или как оценивают убедительность и эффективность санкций, может фундаментальным образом отличаться от интерпретации этих действий их адресатами в России, не говоря об отличиях в том, каким образом сама Россия передает свои сигналы. Аналогичным образом могут разниться и формы восприятия и варианты реакции объекта санкций; принятие в отношении оппонента симметричных мер — это лишь одна из опций. В случае России исследователи начинают раскрывать не только противоположные друг другу когнитивные рамки, которые используются для оценки соответствующих интересов и восприятия угрозы, создаваемой санкциями Запада, но и совершенно разные концептуализации соотношения между региональными приоритетами внешней политики, положением страны в глобальных геоэкономических структурах и преобладающими условиями для ведения бизнеса. Последнее, в свою очередь, определяет географический охват, финансовые рычаги и институциональные особенности санкционного поведения Москвы, а также формирует в различных секторах экономики различные представления об угрозах [Aalto, Forsberg, 2015; Golikova, Kuznetsov, 2017]. Помимо этого, такие объекты санкций, как Россия, могут использовать целый ряд политических инструментов для асимметричного реагирования, ограждая подвергнутые воздействию сектора экономики от ущерба вследствие западных санкций, усиливая ставку в развитии на внутренние ресурсы и диверсифицируя стратегические торговые отношения [Connolly, 2018]. Иные объекты санкций могли бы сделать выбор в пользу несимметричного ответа, предпринимая действия в различных областях. Более того, Москва, похоже, избегает зеркального ответа на санкции, основывающиеся на использовании экономических зависимостей. Есть мнение, что Кремль в проведении своей политики контрсанкций более склонен к применению «дифференцированного

возмездия», не столько нацеленного на использование экономического преимущества перед уязвимыми оппонентами на Западе, сколько направленного инструментально на то, чтобы добиться максимального наказания «оплотов» антироссийской политики, минимизируя при этом стратегический ущерб для значимых ведущих держав [Hedberg, 2018]. Эти наблюдения асимметричности поведения весьма существенны, поскольку в контексте переговоров выводы относительно достоверности угроз, имеющих опций и пределов допустимого ущерба делаются самим наблюдателем — объектом санкций. И на эти выводы могут повлиять не только асимметрия информации и искажение восприятия, но и различные предубеждения объекта санкций в отношении имеющихся возможностей и издержек, а также его оценка уместности применения доступных мер реагирования на аналогичные действия. Если понимание субъектами и объектами санкций таких базовых понятий, как значение, процессы, легитимность и эффективность поведения, связанного с санкциями, отличается разительно, то это может подорвать фундамент традиционной стратегической логики санкционных процессов и ожиданий от них.

Методы и данные

Согласно представленным выше аргументам, в основе позиций Запада и России по вопросу санкций лежит сформировавшееся ранее мировоззрение. Оно включает в себя базовые убеждения, ценности и связанное с ними восприятие дефиниций, процессов и значимости санкций, разделяемые внутри каждого из стратегических сообществ. Это мировоззрение формирует преаналитические⁹ взгляды стратегических сообществ на то, что признается в качестве проблем, какие темы требуют акцентированного внимания и какие политические меры должны приниматься для противодействия таким международным вызовам, как санкции. Мировоззренческие установки не являются теориями или логическими объяснениями событий, поскольку они состоят из аксиом, касающихся релевантных типов проблем, акторов, целей и допустимых форм отношений, которые служат основой для построения аргументов относительно причинно-следственных связей. Носители мировоззрения интерпретируют вновь поступающую информацию через призму преаналитических взглядов. Хотя эти убеждения являются глубоко укоренившимся в сообществе знанием, их принципы и актуальность лежат на поверхности и могут быть с легкостью артикулированы [Griffiths, 2007]¹⁰. Разделяемые носителями различных мировоззрений убеждения могут заложить основу для конструктивного диалога и выявления общих интересов соответствующих стратегических сообществ. Напротив, в отсутствие у противостоящих мировоззрений точек соприкосновения могут формироваться далекие друг от друга, если не конфликтующие между собой системы ценностей и когнитивные референции для обновления знания. Это само по себе может создавать препятствия для выявления взаимных интересов или взаимодействия с явлением, о котором не может быть сформировано единое мнение через общую отсылку к эмпирическому наблюдению. Как отмечает М. Линд, даже если оппоненты придерживаются единого мнения относительно фактов, они могут разойтись в выводах об этих фактах вследствие различий в исходных установках [Lind, 2011]. В контексте санкций это может служить объяснением тому, почему различные стратегические сообщества «говорят на разных языках», поддерживают политику, чреватую

⁹ Априорные (*Примеч. пер.*).

¹⁰ См. также: [Thompson, 1982; Phillips, Brown, Stonestreet, 1996; Mowle, 2003].

издержками для обеих сторон, или приписывают различные смыслы, значения, оценки и степени значимости одним и тем же действиям и контрдействиям.

Оцифровка информации дает нам возможность выявления и оценки соответствующих предубеждений, аксиом и логических связей, лежащих в основе дискурсов стратегических сообществ, через применение библиометрии — подраздела библиотечно-информационных наук. Под библиометрией понимается набор методов исследования, видов разбора и инструментов для статистического анализа научных статей, книг и другого онлайн-контента. Эта область сформировалась в конце 1950 — 1960-х годов в рамках естественных наук как средство, с помощью которого исследователи получили возможность взаимодействовать со стремительно разрастающейся и все более глобальной совокупностью научных знаний. По широко распространенному мнению, основателем этой области знаний был американский ученый Ю. Гарфилд, который в 1955 г. опубликовал свою первую статью о ценности *анализа цитирования* — одного из видов библиометрической методологии, изучающего ссылки ученых на существующие научные работы, которые они делают при публикации результатов своих исследований [Garfield, 1955]. Гарфилд выдвинул тезис, согласно которому изучение паттернов цитирования может помочь выявить критически значимые, но недооцененные исследования, раскрыть аксиомы и внутреннюю структуру знания и проследить его эволюцию в рассматриваемой области исследований (Дерек. — *Примеч. пер.*). Де Солла Прайс развил эту работу и использовал базу данных вновь созданного Гарфилдом Индекса научного цитирования для выявления сетей сотрудничества исследователей, фокусирующихся на определенном аспекте или области, и демонстрации того, как со временем идеи распространяются среди членов этих сетей [De Solla Price, 1965]. В более поздних исследованиях библиометрические методы начинают применяться представителями наук об обществе, в частности, для выявления национальных различий в предположениях, подходах и основополагающей литературе, лежащих в основе исследований в той или иной научной области, начинает использоваться метод обработки естественного языка [Schwemmer, Wieczorek, 2019].

Библиометрические методы могут помочь определить, есть ли существенные отличия в том, как российские и нероссийские исследователи строят свои концепции относительно санкций. Одним из способов выявления таких различий может стать изучение совокупности научных исследований о санкциях, опубликованных российскими и нероссийскими сообществами исследователей наук об обществе начиная с 2010 г., когда США с принятием Акта Магницкого ввели первый пакет санкций в отношении России. Это ознаменовало собой начало длительного периода применения Западом санкций против России, став предвестником санкций и контрсанкций, последовавших после 2014 г. в результате Украинского кризиса, вмешательства в выборы и других событий, связанных с проявлением (Россией. — *Примеч. пер.*) актов международной враждебности. Принимая во внимание критическую значимость американо-российских отношений для международного сообщества, а также расширение и ужесточение с течением времени санкций между США/ЕС и Россией, за этот девятилетний период сформировался значительный корпус российской и нероссийской научной литературы о санкциях.

Мы провели сравнение сводной информации из статей, опубликованных российскими и нероссийскими исследователями, используя три наиболее устоявшихся метода библиометрических исследований:

1. *Анализ выходных данных публикаций*, в ходе которого мы сравнили количество статей, опубликованных каждой из групп исследователей, а также журналы, в которых они публиковались. Это сравнение позволяет оценить относительную важ-

ность, приписываемую каждой из групп исследователей теме санкций начиная с 2010 г., а также степень, в которой они вовлечены в дебаты в рамках тех же публикаций.

2. *Анализ цитирования*, в ходе которого мы изучали, в какой степени исследования определенных авторов имеют общие истоки в существующей литературе. Наличие общих ссылок в работах российских и нероссийских авторов дает нам возможность сделать вывод о разделяемом сообществами понимании важности и эволюции соответствующих исследований. Напротив, отсутствие таких общих ссылок свидетельствовало бы о том, что российские и нероссийские исследователи рассматривают санкции с фундаментально различающихся позиций.

3. *Контент-анализ*, в рамках которого мы исследовали уровень содержательной конвергенции в названиях и аннотациях к статьям в каждой группе исследователей. Этот вид анализа помогает установить области наиболее важных определений, тем и других содержательных характеристик исследований в каждой группе, а также степень, в которой эти области являются общими для обеих групп.

Чтобы построить релевантный корпус данных, на котором можно было бы использовать эти методы библиометрических исследований, мы применили стандартный поисковый запрос к двум наиболее качественным глобальным базам данных индексации цитирования: Web of Science, принадлежащей компании Clarivate Analytics, и SCOPUS, собственником которой является научное издательство Elsevier. Обе базы данных работают по подписке и имеют кураторов и ответственных редакторов по дисциплинам, которые отвечают за включение в базу только тех журналов, которые подвергаются критическому рецензированию и отвечают ряду других стандартов, включая редакционную направленность, импакт-фактор журнала, длительность истории существования и престижность на местном уровне. Несмотря на то что базы данных предоставляют только метаданные по статьям (название, дата публикации, имена авторов, аннотация, ключевые слова, ссылки и информация о финансировании), эти данные структурируются, очищаются и форматируются таким образом, чтобы можно было проводить библиометрический анализ. В частности, обе базы данных позволяют исследователям проводить сложный поиск (с использованием фильтров для выявления наиболее релевантных статей по теме), а также анализ в рамках веб-платформы. Последняя опция дает возможность фильтровать результаты по географическому расположению организации, с которой по заявлению автора он аффилирован; мы использовали эту возможность, чтобы разделить статьи на «российские» и «нероссийские». Большинство статей в каждой базе данных представлены на английском или английском и еще одном языке, однако база Web of Science также открывает доступ к Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ) — базе данных о цитировании, созданной в партнерстве с порталом eLibrary.ru, которая фокусируется на наиболее цитируемых и влиятельных научных журналах, издаваемых в России. Подавляющее большинство такой литературы публикуется на русском языке, тогда как журналы, включенные в РИНЦ, предоставляют все метаданные по статьям как в русскоязычной, так и в англоязычной версиях, структурированные в том же виде, который используется для статей, имеющих только англоязычную версию. В дополнение к статьям русскоязычных авторов, представленным в Web of Science и SCOPUS, мы обратились к базе данных РИНЦ для расширения и углубления корпуса (использованных в исследовании. — *Примеч. пер.*) российских статей. После проведения поиска, фильтрации и очистки данных мы сформировали дата-сет общим объемом 2060 статей, из которых 41% составили российские (854 статьи) и 59% — нероссийские (1206 статей).

Результаты анализа: взгляд на санкции на Западе и в России

Проведенный нами анализ — часть продолжающейся программы международных исследований, целью которых является формирование и улучшение взаимопонимания между российскими и нероссийскими академическими и политическими сообществами. Имеющиеся публикации показывают, что между российскими и нероссийскими исследованиями по тематике санкций существуют значительные различия. Эти различия имеют как методологический, так и содержательный характер, что, в свою очередь, может свидетельствовать о существовании «двух мировоззрений» в исследованиях по тематике международных санкций. Ниже приводится краткое изложение наиболее существенных различий (в мировоззрениях двух сообществ. — *Примеч. пер.*), выявленных в ходе предварительного исследования.

Вывод 1. Различия в выборе российскими и нероссийскими исследователями тематики санкций журналов для размещения публикаций свидетельствуют о том, что российский санкционный дискурс развивался независимо и в значительной степени скрыт от нероссийских исследователей.

Самый простой вид анализа российских и нероссийских исследований по тематике санкций заключался в изучении выходных данных публикаций. Они дали возможность сравнить количество научных статей о санкциях, опубликованных российскими и нероссийскими авторами начиная с 2010 г., установить, кем они были написаны и где опубликованы. Первый вопрос, который мы рассматривали, состоял в том, как изменился объем статей, публикуемых каждой из групп, после того как США и их союзники ввели санкции в отношении России в ходе Украинского кризиса 2014 г. Как показывает рис. 1, ежегодная численность статей, опубликованных каждой из групп, свидетельствует о том, что нероссийские исследователи последовательно публиковали больше статей по тематике санкций в период до 2014 г. Санкции, введенные в 2014 г., изменили этот паттерн: в обеих группах количество публикаций в 2015–2019 гг. значительно увеличилось по сравнению с периодом 2010–2014 гг. Рисунок 1 позволяет сделать два вывода о российском санкционном дискурсе. Во-первых, тема санкций не была центральной в российских академических исследованиях, особенно до 2014 г. Однако численность российских и нероссийских публикаций о санкциях отреагировала на события 2014 г. схожим образом. Это позволяет нам сделать вывод, что интенсивность исследований в обоих сообществах может быть стимулирована происходящими крупными событиями.

Более отчетливые различия между двумя группами проявляются, если рассматривать, в каких журналах публиковали свои исследования по тематике санкций представители каждой из групп. Всего в нашем дата-сете 2060 статей. Они опубликованы в 822 журналах. Более 25% (522 статьи) от общего объема публикаций сконцентрированы в ядерной группе из всего лишь 31 журнала, в каждом из которых в период с 2010 по 2019 г. было опубликовано 10 и более статей по тематике санкций. В этой ядерной группе 19 журналов издаются в России и не являются широкодоступными за пределами страны; в общей сложности в них было опубликовано 409 статей, или 72% статей, опубликованных в журналах ядерной группы, и 20% от общего количества статей в дата-сете. Всего в нашем дата-сете было представлено 82 российских журнала, в них опубликовано около 25% (578 статей) от общего количества публикаций, что свидетельствует об оживленной дискуссии по тематике санкций среди российских ученых. Однако этот дискурс по большей части недоступен для западных академических исследователей. Каждый из российских журналов из ядерной группы входит по крайней мере в один из двух крупнейших используемых на Западе академических индексов (Scopus и Web of Science), однако полу-

Рис. 1. Российские и нероссийские публикации по теме санкций, кол-во в год (2010–2019 гг.)

Источник: составлено авторами.

чить к ним доступ все равно трудно¹¹. И это особенно проблематично, поскольку почти две трети (523 из 822 статей) связанных с санкциями публикаций в нашем дата-сете, написанных российскими авторами, являются русскоязычными. Соответственно, существует значительный корпус российских исследований по тематике санкций, к которым не обращаются ведущие нероссийские исследователи. В дополнение к этому стоит отметить, что существует незначительное географическое разнообразие в предпочтительном выборе журналов для публикаций российскими и нероссийскими исследователями тематики санкций. К примеру, 71% (584 из 822) статей о санкциях в нашем дата-сете, написанных российскими авторами, были опубликованы в журналах, в которых другие публикации по тематике санкций также принадлежат исключительно российским исследователям. Еще 16% (128 из 822) статей – в журналах, в которых 90% остального санкционного контента принадлежит другим российским авторам. И напротив, нероссийские исследователи публикуются в российских журналах в равной степени нечасто. Нероссийские исследователи тематики санкций появляются только в 6 из 19 российских журналов ядерной группы: всего 8 публикаций. Это подталкивает нас к выводу, что российские и нероссийские исследователи санкций вовлечены в дискуссию только в рамках местных исследовательских сообществ, а не являются частью единого международного эпистемологического сообщества.

¹¹ В базе данных Web of Science исследователь должен иметь подписку на Российский индекс научного цитирования и выполнять отдельный поиск для получения подборки русскоязычного контента; как база данных Scopus, так и база данных Web of Science представляют результаты поисковых запросов, отсортированные по релевантности, что в огромной степени зависит от импакт-фактора журнала, в котором опубликована статья. Такой подход к оценке ставит в неравное положение журналы, издающиеся не на английском языке. На практике это означает, что лишь незначительное количество нероссийских исследователей смогут найти обширный корпус российской литературы по тематике санкций, опубликованной после 2014 г.

Таблица 1. Журналы, в которых было опубликовано 10 и более статей о санкциях, 2010–2019 гг. (общее количество = 2060)

Позиция журнала (по кол-ву статей по тематике санкций в дата- сети)	Журнал	Российский?	Общее кол-во статей о санкциях (2000–2019 гг.)	Кол-во статей, опубликованных российскими авторами	Кол-во статей, опубликованных нероссийскими авторами	Статьи, опубликованные российскими авторами, %
1	Мировая экономика и международные отношения	Да	67	65	2	97
2	Экономика сельского хозяйства России	Да	41	41	0	100
3	Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий	Да	30	30	0	100
4	Вопросы экономики	Да	29	29	0	100
5	International Affairs		24	0	24	0
6	США и Канада: экономика, политика, культура	Да	22	21	1	95
6	Аграрный вестник Урала	Да	22	22	0	100
6	Современная Европа	Да	22	21	1	95
9	Вестник Финансового университета	Да	19	19	0	100
10	ЭКО	Да	18	18	0	100
10	Вестник МГИМО-Университета	Да	18	16	2	89
12	Экономика. Бизнес. Банки	Да	17	17	0	100
13	Балтийский регион	Да	16	16	0	100
13	Азия и Африка сегодня	Да	16	16	0	100
15	Osteuropa		15	3	12	20
16	Survival		14	2	12	14
16	Bulletin of the Atomic Scientists		14	2	12	14
16	Turkish Policy Quarterly		14	0	14	0
16	Terra Economicus	Да	14	14	0	100
20	Problems of Post-Communism		13	2	11	15
20	Middle East Policy		13	0	13	0
20	Экономика региона	Да	13	12	1	92
20	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Да	13	13	0	100
24	International Politics		12	0	12	0
24	European Security		12	0	12	0
26	Eurasian Geography and Economics		11	2	9	18
26	Экономическая Политика	Да	11	11	0	100
26	International Trends	Да	11	11	0	100
26	Routledge Handbook of Russian Foreign Policy		11	3	8	27
30	Economist (United Kingdom)		10	0	10	0
30	Международные процессы	Да	10	9	1	90
	Всего	19	572	415	157	

Источник: составлено авторами.

Вывод 2. Представители российского и нероссийского исследовательских сообществ цитируют разные источники, которые предлагают отличающиеся базовые допущения относительно международных санкций и их использования.

Вывод, согласно которому российское сообщество исследователей тематики санкций изолировано от нероссийского исследовательского сообщества, получает дополнительные подтверждения по итогам изучения паттернов цитирования среди соответствующих групп исследователей. Публикационный анализ позволяет говорить о наличии двух отдельных сообществ исследователей тематики санкций в России и за ее пределами, однако это не обязательно означает, что российские и нероссийские исследователи придерживаются отличающихся подходов к изучению санкций. Чтобы протестировать эту идею, были использованы два дополнительных метода библиометрического анализа. Первый из них — анализ *цитирования*, в рамках которого изучаются ссылки авторов на ранее опубликованные исследования, чтобы оценить состояние и эволюцию знания в рамках научной дисциплины, включая разделяемые членами научного сообщества предположения, рамки и практики, характеризующие доминирующую в данной научной области парадигму, а также зарождающиеся подходы, теории и методы, характеризующие будущий фронт исследований в данной области. Сравнение наиболее цитируемых источников в собрании статей российских и нероссийских авторов позволяет определить, опираются ли представители обеих групп на общую базу знаний по тематике санкций. Если это так, то, вероятно, есть по крайней мере некоторые пересечения в журналах и, соответственно, в наиболее заметных работах и авторах, на которые они ссылаются. Дополнительно следует отметить, что доля публикаций в дата-сети, цитирующих эти общие для обеих групп исследователей источники, должна быть примерно одинаковой как в российском, так и в нероссийском корпусе статей, хотя можно допустить и умеренные отклонения, поскольку в период с конца холодной войны до 2019 г. Россия стала единственной великой державой, которая подверглась значительным внешним санкциям.

В табл. 2 представлен общий свод источников (журналов), цитируемых в публикациях российских и нероссийских авторов. Он дает верхнеуровневое понимание относительно корпуса литературы, лежащего в основе исследований каждой из групп. В табл. 2 представлены 20 наиболее цитируемых в каждой группе журналов, а также количество сделанных группой ссылок на каждый из журналов. Между двумя списками нет пересечений; российские авторы чаще всего цитируют журналы, публикуемые исключительно в России, тогда как ни одного из них нет в списке наиболее цитируемых журналов нероссийских авторов. Отсутствие российских журналов в списке наиболее цитируемых источников нероссийских авторов поразительно, принимая во внимание большой объем опубликованной российскими авторами в российских журналах литературы по тематике санкций начиная с 2014 г. Выявленные паттерны цитирования позволяют сделать вывод о том, что, вероятно, российские и нероссийские исследователи тематики санкций в своей работе основываются на различной фундаментальной концептуализации литературы о санкциях и что сегодня процесс изучения представителями одной группы последних результатов исследований другой группы является незначительным, если присутствует вообще.

Вывод 3. Представители российского и нероссийского исследовательских сообществ изучают различные темы, что предполагает усиление расхождений между ними в будущем.

Вторым видом анализа, использованным нами для оценки содержательных различий между российской и нероссийской литературой по тематике санкций, стало *тематическое моделирование*, которое математически описывает частоту использования и совместное употребление слов и фраз в неструктурированном тексте. Мы сравнива-

Таблица 2. Журналы, цитируемые российскими и нероссийскими авторами в статьях по тематике санкций, 2010–2016 гг.

Ранг среди статей нероссийских авторов	Наиболее распространенные источники (журналы): статьи нероссийских авторов	Кол-во ссылок на источник (журнал) в статьях, опубликованных в нероссийских журналах	Статьи, опубликованные в нероссийских журналах, цитирующие источник (журнал), %
1	International Affairs	32	2,7
2	Osteuropa	17	1,
3	Bulletin of the Atomic Scientists	16	1,3
4	Turkish Policy Quarterly	16	1,3
5	Middle East Policy	14	1,2
6	European Security	13	1,1
7	International Politics	13	1,1
8	Survival	13	1,1
9	Economist (United Kingdom)	12	1,0
10	Problems of Post-Communism	11	0,9
11	Eurasian Geography and Economics	10	0,8
12	Global Responsibility to Protect	10	0,8
13	Insight Turkey	10	0,8
14	International Relations	10	0,8
15	IHS Jane's Defence Weekly	9	0,7
16	Review of International Studies	9	0,7
17	Third World Quarterly	9	0,7
18	American Foreign Policy Interests	8	0,7
19	American Journal of International Law	8	0,7
20	Cambridge Review of International Affairs	8	0,7
	<i>Всего</i>	<i>248</i>	<i>20,6</i>
	Общее количество ссылок в корпусе статей	<i>40 387</i>	
	Процент ссылок в корпусе статей на топ-20 источников	<i>0,6%</i>	
	Количество статей в корпусе статей нероссийских авторов	<i>1206</i>	
	Среднее количество ссылок в статье нероссийского автора	<i>33</i>	

Ранг среди статей российских авторов	Наиболее распространенные источники (журналы): статьи российских авторов	Количество ссылок на источник (журнал) в статьях, опубликованных в российских журналах	Статьи, опубликованные в российских журналах, цитирующие источник (журнал), %
1	Мировая экономика и международные отношения	69	8,1
2	Экономика сельского хозяйства России	41	4,8

Ранг среди статей российских авторов	Наиболее распространенные источники (журналы): статьи российских авторов	Количество ссылок на источник (журнал) в статьях, опубликованных в российских журналах	Статьи, опубликованные в российских журналах, цитирующие источник (журнал), %
3	Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий	32	3,7
4	Вопросы экономики	30	3,5
5	Аграрный вестник Урала	22	2,6
6	Современная Европа	22	2,6
7	США и Канада: экономика, политика, культура	22	2,6
8	International Trends	20	2,3
9	Вестник Финансового университета	19	2,2
10	Эко	18	2,1
11	Экономика. Бизнес. Банки	17	2,0
12	Азия и Африка сегодня	16	1,9
13	Балтийский регион	16	1,9
14	Вестник МГИМО-Университета	16	1,9
15	Terra Economicus	15	1,8
16	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	14	1,6
17	Экономика региона	12	1,4
18	Экономическая политика	11	1,3
19	АПК: экономика, управление	9	1,1
20	Управленец	9	1,1
	<i>Всего</i>	<i>430</i>	<i>50,4%</i>
	Общее количество ссылок в корпусе статей	<i>10 146</i>	
	Процент ссылок в корпусе статей на топ-20 источников	<i>4,2%</i>	
	Количество статей в корпусе статей российских авторов	<i>854</i>	
	Среднее количество ссылок в статье российского автора	<i>11,9</i>	

Источник: составлено авторами.

ли содержание статей по тематике санкций российских и нероссийских авторов с двух точек зрения: с точки зрения анализа названий статей, которые дают либо наиболее емкое, либо провокационное изложение сути исследования, и с точки зрения анализа аннотаций к статьям, также являющихся концентрированным изложением исследования, но дающим авторам больше пространства для уточнения деталей их подхода. Для обоих источников контента мы применили метод машинного обучения, использующий статистический анализ для установления паттернов использования и совместного употребления слов в тексте исследовательских статей. В случае анализа названий статей мы выполнили картирование совместного употребления ключевых слов, показы-

вающее часто встречающиеся кластеры терминов, употребляемых совместно в рамках одного заголовка. Мы визуализировали это совместное употребление терминов в виде конкретных кластеров терминов на рис. 2.

На рис. 2а, представляющем статьи нероссийских авторов, показаны шесть выраженных терминологических кластеров, их размер указывает на относительную значимость кластера в рамках группы. Два крупнейших кластера частично пересекаются, фокусируясь на международных экономических аспектах российских санкций (*кластер 1*) и последствиях санкций с точки зрения проблем международной безопасности и баланса сил (*кластеры 4 и 2*). Три дополнительных кластера касаются проблематики санкций в отношении Ирана и Северной Кореи и ядерной безопасности (*кластеры 3 и 5*), а также роли ООН в санкционных процессах (*кластер 6*). Напротив, на нижней диаграмме показаны результаты аналогичного анализа применительно к названиям статей российских авторов. На этой диаграмме представлено всего два терминологических кластера, и они значительно отличаются от кластеров, выявленных для статей нероссийских авторов. Более крупный (*кластер 1*) кластер фокусируется на экономических эффектах санкций, однако включает в себя термины «аграрный», «регион» и «развитие», что свидетельствует об исследовательском фокусе в рамках данного кластера на внутриэкономических последствиях санкций и мерах правительства России по их смягчению. Второй (*кластер 2*) кластер также фокусируется на экономических эффектах от санкций, однако основное внимание здесь сосредоточено на проблемах российской экспортной экономики, притока/оттока капитальных инвестиций, а также на политике российского правительства по снижению воздействия санкций на российский экспорт. Рисунок 2 еще раз подтверждает, что российские и нероссийские авторы придерживаются принципиально различных подходов к широкому кругу исследований каждой группы по тематике санкций.

Еще одна точка зрения (на содержание статей российских и нероссийских авторов по тематике санкций. — *Примеч. пер.*) может быть сформирована путем контент-анализа аннотаций к статьям из каждой группы, для чего мы использовали тематическое моделирование по методу Латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). Тематическое моделирование представляет собой технику выделения наиболее характерных тем в широкой подборке связанных документов на основе изучения паттернов слов, выбираемых авторами¹². Мы создали отдельные тематические модели для статей российских и нероссийских авторов из нашего дата-сета, используя тексты аннотаций к статьям из обеих групп. Для каждой из групп мы создали модели, содержащие от 5 до 40 тем, и провели оценку точности и сопоставимости каждой из моделей. Основываясь на этой оценке, мы сформировали финальные модели для каждой из групп, содержащие по десять тем. Они представлены в табл. 3. Данная таблица содержит упорядоченный список тем, выявленных для статей из обеих групп, каждая из которых раскрывается пятью словами (или морфемами. — *Примеч. пер.*), наиболее тесно связанными с темой и описывающими ее содержание. Проанализировав получившиеся темы, мы добавили в конце каждой тематической группы слов тег, обознача-

¹² В рамках метода LDA делается допущение, что авторы, пишущие на определенную тему, будут использовать в своих работах схожие слова, и выявляются группы слов, наиболее часто встречающихся в документах рядом друг с другом. «Темы», определяемые в рамках модели LDA, представляют собой группы слов, с помощью которых можно четко разграничить различные документы в подборке, и каждое слово в теме имеет свой вес, отражающий его значимость. Агрегируя эту информацию по подборке текстов российских авторов и затем сравнив степень сфокусированности каждой группы на той или иной теме, можно сделать содержательный, эмпирически обоснованный вывод относительно того, придерживаются ли группы единого или различных мировоззрений относительно санкций.

Таблица 3. Тематическое моделирование и ассоциируемые с темами слова в статьях российских и нероссийских авторов, сформулированные на основе анализа аннотаций

Ранг среди статей нероссийских авторов	Термины*, раскрывающие тему: статьи нероссийских авторов	Ранг среди статей российских авторов	Термины*, раскрывающие тему: статьи российских авторов
1	Russia* -- region* -- intern* -- politic* -- relation* (МО)	1	Product* -- meat -- dairi* -- milk -- import* (ВЭ)
2	Russia* -- sanction* -- econom* -- region* -- develop* (ВЭ)	2	Russia* -- sanction -- new -- foreign -- China (МПЭ)
3	Industri* -- develop* -- econom* -- region* -- innov* (ВЭ)	3	Food -- import -- countri* -- Russian* -- state (ВЭ)
4	Polici* -- govern* -- issu* -- author* -- include* (МО)	4	Russian* -- develop* -- econom* -- market* -- sanction (ВЭ)
5	Statist* -- compani* -- process* -- Russia* -- financi* (ВЭ)	5	Polici* -- sanction -- Russia* -- trade -- oil (МПЭ)
6	Defenc* -- missil* -- replac* -- metropolitan* -- Moscow* (Б)	6	Sanction -- Russia* -- state -- polit* -- econom* (МПЭ)
7	Russian* -- econom* -- develop* -- new* -- save* (ВЭ)	7	Russia* -- region* -- intern* -- relat* -- polit* (ВЭ)
8	Russian* -- research* -- econom* -- state* -- inform* (ВЭ)	8	Econom* -- develop* -- region* -- Russian* -- industri* (ВЭ)
9	intern* -- Russian* -- trade* -- monei* -- regul* (МПЭ)	9	Russia* -- relat* -- econom* -- sanction -- Ukrain* (МПЭ)
10	Russia* -- China* -- right* -- relat* -- strateg* (МО)	10	Budget* -- econom* -- region* -- integr* -- develop* (ВЭ)

Примечание. (МПЭ) — международная политическая экономия; (Б) — безопасность; (ВЭ) — внутренняя экономика; (МО) — международные отношения.

*Морфемы терминов (Примеч. пер.).

Источник: составлено авторами.

действий российского правительства по снижению эффекта от санкций, включая меры поддержки национальных производителей продуктов питания (темы 1 и 3), а также меры, направленные на региональное экономическое развитие (темы 4, 7 и 10), и международной политической экономии (темы 6 и 8). Категория тем внешнеэкономической направленности фокусируется на усилении экономических связей России и Китая (тема 2), наращивании экспорта нефти (тема 5), а также включает в себя не вполне понятную тему, в которой экономические термины соседствуют со словом «Украина». Темы, определенные для статей нероссийских авторов, получились более разнообразными и отражающими мейнстримные направления исследований тематики санкций, в том числе связанные с санкциями экономические аспекты, аспекты международных отношений и аспекты безопасности. Из шести тем экономических категорий пять касаются российской внутренней экономики, но лишь с ограниченным пересечением с работами российских авторов. К примеру, в статьях нероссийских авторов вопросы регионального экономического развития охватывают четыре темы, при этом схожей с темами статей российских авторов выглядит лишь одна из них (тема 2, схожая с темой 9 в списке для корпуса статей российских авторов), тогда как другие касаются пробле-

матики инноваций в регионах (тема 3) и исследований и разработок (темы 7 и 8), не представленной в статьях российских авторов. Оставшиеся четыре темы в списке для корпуса статей нероссийских авторов (темы 1, 4, 9 и 10) относятся к категориям международных отношений и безопасности, которые не фигурируют в числе ключевых тем исследований российских авторов.

В целом можно отметить, что темы исследований, извлеченные из аннотаций к статьям из нашего дата-сета, подтверждают значительное расхождение в сферах исследовательского интереса и подходах российских и нероссийских исследователей тематики санкций, дополнительно усиливая сделанный нами ранее на основе анализа паттернов публикационной активности и цитирования вывод о том, что западное и российское стратегические сообщества существуют «в разных мирах».

Развитие дискуссии и выводы

В данном исследовании применены методы дата-аналитики для выявления паттернов стратегических дискурсов вокруг тематики санкций на Западе и в России. Опираясь на результаты библиометрического анализа, мы определяем систему взглядов и характер исследований внутри стратегических сообществ и между ними. Мы также раскрываем закономерности в основных темах и приоритетах, которые формируют контуры для соответствующих мировоззрений относительно значения, процессов, легитимности и значимости санкций.

Этот предварительный анализ подчеркивает, что западное и российское стратегические сообщества существуют «в разных мирах» в своей оценке санкций. В соответствующих исследованиях крайне мало пересечений или даже общих ссылок на сторонние источники. Западное и российское сообщества имеют мало общего, публикуются в разных журналах, ссылаются на разные источники и изучают различные аспекты, связанные с тематикой санкций. Представители обоих сообществ ссылаются на схожую литературу при общей констатации провала политики санкций, однако приходят к различным выводам относительно причин и модальностей неэффективности санкций.

В содержательном плане западное и российское сообщества находятся еще дальше друг от друга. Тщательный качественный анализ ключевых работ в относящейся к тому или иному сообществу литературе о санкциях показывает, что российские исследователи в большинстве своем настроены категорически пессимистично относительно способности санкций влиять на изменение внешней политики, тогда как западные комментарии в целом отмечены дискуссией о том, что в иных условиях санкции могли бы быть успешными. Более того, как можно судить по результатам проведения дата-аналитики, западные исследования рассматривают различные причины и эффекты от санкций с ключевым фокусом на стратегических измерениях, в то время как в российском академическом анализе наблюдается тенденция к узконаправленной кластеризации вокруг макроэкономических последствий санкций, а также вокруг темы полезности асимметричного ответа, в том числе импортозамещения, изменения внутреннего регулирования, развития национальных инноваций и стратегической диверсификации торговли — ухода от торговли с Западом в сторону торговли с Индией и Китаем. Наконец, позиции российских исследователей разнятся в диапазоне от постановки под сомнение легитимности санкций в принципе как угрозы суверенитету до признания того, что при определенном ограниченном круге условий, например, в случае многостороннего или межправительственного консенсуса, тактическое применение

временных санкций может быть юридически обоснованным. Напротив, проблематика нарушения суверенитета не является широко представленной в западном дискурсе о стратегической роли санкций, при этом значительное внимание уделяется жизнеспособности и эффективности принимаемых в одностороннем порядке санкций, что, в частности, практикуется США.

Эти выводы служат предостережением от принятия одномерных стратегических взглядов на санкции. Соответствующая литература вместо единообразной оценки субъектов и объектов санкций указывает на асимметричные и характерным образом отличающиеся друг от друга системы взглядов. Она ставит под сомнение, например, то, что российские санкции по своей природе носят взаимный характер. Западное и российское сообщества, как правило, «говорят на разных языках», по-разному интерпретируя одни и те же события, связанные с санкциями, и делая на основе их анализа различные выводы и прогнозы развития ситуации.

Эти концептуальные несоответствия также имеют определенные последствия для санкционных стратегий Запада и России. Чтобы западные угрозы применения санкций и связанные с ними сигналы стали более убедительными, от Запада может потребоваться большая степень эмпатии и более глубокое понимание того, как эти сигналы интерпретируются в России. На Западе санкции в целом воспринимаются как предоставление объекту санкций выбора — соглашаться или не соглашаться на выдвинутые в его адрес требования. А в российском дискурсе считается, что выбирать можно в основном варианты политических мер для смягчения негативного эффекта санкций. Следовательно, выверенные шаги Запада, направленные на демонстрацию решимости через дипломатические приемы и призванные свидетельствовать об уже случившихся невозвратных издержках или «связанных руках», могут на самом деле быть контрпродуктивными и служить подтверждением для преобладающих в России концепций, которые говорят об отсутствии иного выбора, кроме как сохранять стойкость и упорство перед лицом того, что широко воспринимается как нелегитимное и ревизионистское наступление со стороны Запада. Российское стратегическое сообщество, настроенное в первую очередь на поиск способов ликвидации негативных последствий санкций в долгосрочной перспективе через макроэкономические меры, перераспределение, формирование автаркии или поиск поддержки со стороны третьих стран, может быть в целом склонно игнорировать краткосрочные издержки от невыполнения выдвигаемых в адрес России требований в пользу предполагаемых долгосрочных выгод от сокращения безысходной зависимости от Запада.

Помимо этого, асимметрия предубеждений Запада и России может подорвать основы существующей практики наложения таргетированных санкций. Иными словами, ключевой задачей при реализации «умных» санкций Запада может стать не просто раскрытие «черного ящика» непрозрачной системы принятия Кремлем решений, чтобы точнее выявить адресатов санкций, обладающих политическим влиянием. Напротив, более глубокий концептуальный разрыв между легитимностью санкций и вниманием России к смягчению их воздействия позволяет сделать вывод о том, что разрозненные инициативы, направленные на принуждение, которые не несут комплексного разрушительного воздействия на торговые потоки, не только упрощают задачу Кремля по уклонению от негативных последствий, но и позволяют ему говорить о недостаточной приверженности ряда западных стран санкциям в отношении России. Таким образом, «умные» санкции, хоть и менее затратные и более удобные для Запада в плане наложения и поддержания, для России могут быть прямым стимулом не поддаваться требованиям об изменении политики.

Расхождение во взглядах на санкции создает проблемы и для российских политиков. Следует признать, что на основании проведенного анализа невозможно сделать вывод о мотивациях, лежащих в основе академического дискурса, поскольку неясно, являются ли выявленные тренды в дискурсе искренними убеждениями независимых исследователей или же инструментально сконструированными нарративами. Однако, чем бы это ни было обусловлено, узкая кластеризация взглядов на санкции свидетельствует об ограниченности национального дискурса. Это может оказать «медвежью услугу» лицам, принимающим решения в России, лишив лидеров страны внешних оценок полного спектра возможностей и издержек, с которыми они могут столкнуться при применении санкций и ответе на санкции. С одной стороны, ограниченность дискурса может высветить краткосрочные проблемы западных санкций и возможности для смягчения негативных последствий через макроэкономические меры — в ущерб анализу долгосрочных, неявных издержек или системной оценке последствий западных санкций с точки зрения их способности обострить структурные экономические и политические проблемы страны. Узкая направленность фокуса на проблему смягчения последствий санкций в этом случае может приводить к искажению оценки значимости таких фактов, как очевидность «ралли-эффекта» в случае с западными санкциями, восприятие их в аналитическом вакууме и в отрыве от коррелирующих либо более широких паттернов поддержки агрессивной внешней политики режима, что обусловлено ранее сформировавшимся консенсусом широких общественных кругов и элиты относительно «воссоединения» с Крымом и/или внутренних экономических возможностей. Следовательно, фиксация на смягчении последствий санкций может привести либо к переоценке, либо к недооценке инструментальных выгод для режима от разрозненности западных санкций, маскируя нечувствительность элиты и более широких общественных кругов к зарубежным угрозам, влияние медиа на формирование общественного мнения в России и/или фундаментальную природу политической поддержки руководства [Sherlock, 2019; Frye, 2019]. С другой стороны, игнорирование санкций на основании их восприятия как нелегитимных и неэффективных может привести к отождествлению «дешевого треп» и высокомерия с искренней заинтересованностью в конструктивном взаимодействии, как это может быть воспринято потенциальными участниками диалога на Западе.

Вместе с тем концептуальная несовместимость и наличие сопутствующих рисков эскалации не означают, что политика взаимных санкций обязательно приведет к тупику. Внимание как в западном, так и в российском стратегическом сообществе приковано, скорее, к темам общих издержек и негативных эффектов от санкций, нежели к констатации их успешности, и это может стать тем фундаментом, на основе которого в будущем начнется диалог о поиске развилки для деэскалации конфликта. Ключом к успеху здесь вполне может стать поиск сфер пересечения модальностей ограничения и контроля издержек с точки зрения макроэкономической стабильности, диверсификации торговли и последствий от наносимых «ответных ударов» на санкции. Однако в свете противоположности мировоззренческих установок Запада и России такой диалог возможен только в результате прорыва во взаимоотношения вследствие успехов на других фронтах или же какого-либо жеста одной из сторон, наполненного драматизмом и патетикой, и направленного на то, чтобы «разрубить узел» санкционных противоречий. Призыв к поэтапному ослаблению санкций, скорее всего, не будет услышан, поскольку такой подход может быть легко интегрирован в существующие стратегические рамки. Стоит добавить, что более плодотворным полем для анализа может стать оценка условий эффективности совместных санкций против третьих сторон, таких как Иран или Северная Корея. С учетом нестабильности статус-кво и все возрастающих

издержек ситуации оторванности Запада и России друг от друга в их санкционной политике настало время для переосмысления установок стратегического взаимодействия. Поэтому сближение на уровне мировоззрения может стать первым шагом на пути преодоления санкционного тупика и ухода с траектории опасной эскалации.

Источники

Официальный сайт Президента России (2019) «Прямая линия» с Владимиром Путиным. 20 июня. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60795> (дата обращения: 15.07.2019).

Тимофеев И.И. (2018) Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / И.И. Тимофеев, Т.А. Махмутов (ред.) М.: НП РСМД.

Aalto P., Forsberg T. (2015) The Structuration of Russia's Geo-Economy Under Economic Sanctions // *Asia Europe Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 221–237. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/284244312_The_structuration_of_Russia's_geo-economy_under_economic_sanctions/link/56d9d5e808ae1aa5f82955a/download (дата обращения: 15.07.2019).

Andreas P. (2005) Criminalizing Consequences of Sanctions: Embargo Busting and Its Legacy // *International Studies Quarterly*. Vol. 49. No. 2. P. 335–360. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2005.00347.x> (дата обращения: 15.07.2019).

Ang A.U.-J., Peksen D. (2007) When Do Economic Sanctions Work? Asymmetric Perceptions, Issue Salience and Outcomes // *Political Research Quarterly*. Vol. 60. No. 1. P. 135–145. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1065912906298632> (дата обращения: 15.07.2019).

Aslund A. (2019) Putin Finally Tells Russians the Truth (Sort of). Atlantic Council. 26 June. Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/putin-finally-tells-russians-the-truth-sort-of> (дата обращения: 15.07.2019).

Bergeijk P. van, Biersteker T. (2016) How and When Do Sanctions Work: The Evidence. On Target? EU Sanctions as Security Policy Tools / I. Dreyer, J. Luengo-Cabrera (eds). Issue Report No 25, European Union Institute for Security Studies. Режим доступа: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Report_25_EU_Sanctions.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Byman D., Waxman M. (2001) *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. N.Y.: Cambridge University Press.

Connolly R. (2018) *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia*. N.Y.: Cambridge University Press.

Copeland D.C. (2014) *Economic Interdependence and War*. Princeton: Princeton University Press.

Drezner D.W. (2003) Hidden Hand of Economic Coercion // *International Organization*. Vol. 57. No. 3. P. 643–659. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0020818303573052> (дата обращения: 15.07.2019).

Drezner D.W. (2018) *Economic Sanctions in Theory and Practice: How Smart Are They? Coercion: Power to Hurt in International Politics* / K.M. Greenhill, P. Krause (eds). N.Y.: Oxford University Press.

Early B.R. (2015) *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford: Stanford University Press.

European Council (EC), Council of the European Union (EU) (n. d.) *EU Restrictive Measures in Response to the Crisis in Ukraine*. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/ukraine-crisis/> (дата обращения: 15.07.2019).

Frye T. (2017) Do Economic Sanctions Cause a Rally Around the Flag? Commentary, Columbia/SIPA Center on Global Energy Policy. Режим доступа: <https://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/Sanction-sandRallyAroundtheFlagTimFrye0817.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

Garfield E. (1955) Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation Through Association of Ideas // *Science*. Vol. 122. No. 3159. P. 108–111. Режим доступа: <https://doi.org/10.1126/science.122.3159.108> (дата обращения: 15.07.2019).

Golikova V., Kuznetsov B. (2016) Perception of Risk Associated With Economic Sanctions: The Case of Russian Manufacturing // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 1. P. 49–62. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1195094> (дата обращения: 15.07.2019).

Griffiths M. (ed.) (2007) *International Relations Theory for the Twenty-First Century: An Introduction*. L.: Routledge.

Gros D., di Salvo M. (2017) Revisiting Sanctions on Russia and Counter-Sanctions on the EU: The Economic Impact Three Years Later. CEPS Commentary, Centre for European Policy Studies. Режим доступа: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/revisiting-sanctions-russia-and-counter-sanctions-eu-economic-impact-three-years-later/> (дата обращения: 15.07.2019).

Haftner-Burton E., Montgomery A. (2008) Power or Plenty: How Do International Trade Institutions Affect Economic Sanctions? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 52. No. 2. P. 213–242. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0022002707313689> (дата обращения: 15.07.2019).

Hart R. (2000) Democracy and the Successful Use of Sanctions // *Political Research Quarterly*. Vol. 53. No. 2. P. 267–284. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/106591290005300203> (дата обращения: 15.07.2019).

Hedberg M. (2018) The Target Strikes Back: Explaining Countersanctions and Russia's Strategy of Differentiated Retaliation // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 34. No. 1. P. 35–54. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1419623> (дата обращения: 15.07.2019).

Hufbauer G., Schott J., Elliott K. (1985) *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC: Institute for International Economics.

Kastakova E., Baumgartner B., Zatkan M. (2018) Opportunities Lost: The Impact of the Russian Embargo on its Agri-Food Trade With the EU: Analysis by Selected Indicators // *International Organizations Research Journal*. Vol. 13. No. 4. P. 256–271. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-12> (дата обращения: 15.07.2019).

Keatinge T., Dall E., Bassiri Tabrizi A., Lain S. (2017) Transatlantic (Mis)alignment: Challenges to the US-EU Sanctions Design and Implementation. RUSI Occasional Paper, Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. Режим доступа: https://rusi.org/sites/default/files/20170707_transatlantic_misalignment_keatinge.dall_tabrizi.lain_final.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Kluge J. (2019) Taking Stock of U.S. Sanctions on Russia. E-Notes, Foreign Policy Research Institute. Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2019/01/taking-stock-of-u-s-sanctions-on-russia/> (дата обращения: 15.07.2019).

Lind M. (2011) The Five Worldviews That Define American Politics // *Salon*. 12 January. Режим доступа: https://www.salon.com/2011/01/12/lind_five_worldviews/ (дата обращения: 15.07.2019).

Long W.J. (1996) *Economic Incentives and Bilateral Cooperation*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Mowle T.S. (2003) Worldviews in Foreign Policy, Realism, Liberalism, and External Conflict // *Political Psychology*. Vol. 24. No. 3. P. 561–592. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00341> (дата обращения: 15.07.2019).

Nephew R. (2018) *The Art of Sanctions: A View From the Field*. N.Y.: Columbia University Press. Режим доступа: http://irpublicpolicy.ir/wp-content/uploads/2018/05/The_Art_of_Sanctions-irpublicpolicy.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Pape R. (1997) Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 90–136. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2539368> (дата обращения: 15.07.2019).

Phillips W.G., Brown W.E., Stonestreet J. (1996) *Making Sense of Your World: A Biblical Worldview*, 2nd ed. Salem: Sheffield Publishing Company.

Schultz K. (2001) *Democracy and Coercive Diplomacy*. N.Y.: Cambridge University Press.

Schwemmer C., Wiczorek O. (2019) The Methodological Divide of Sociology: Evidence From Two Decades of Journal Publications // *Sociology*. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0038038519853146> (дата обращения: 15.07.2019).

Sescher T.S., Fuhrmann M. (2017) *Nuclear Weapons and Coercive Diplomacy*. N.Y.: Cambridge University Press.

Sherlock T. (2019) Russian Society and Foreign Policy: Mass and Elite Orientations After Crimea // Problems of Post-Communism. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1561190> (дата обращения: 15.07.2019).

Simes D.A. (2019) Russia's Best Defense Against America's Pressure Strategy May Be China // The National Interest. 7 June. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/russias-best-defense-against-americas-pressure-strategy-may-be-china-61692> (дата обращения: 15.07.2019).

Solla Price D. de (1965) Networks of Scientific Papers // Science. Vol. 149. No. 3683. P. 510–515. Режим доступа: <https://doi.org/10.1126/science.149.3683.510> (дата обращения: 15.07.2019).

Thompson K.W. (1982) Masters of World Thought. Baton Rouge: LSU Press.

Trickett N. (2019) Russia's FDI Outlook Grim, With No Chinese Rescue in Sight. Russia Matters. 11 July. Режим доступа: <https://www.russiamatters.org/analysis/russias-fdi-outlook-grim-no-chinese-rescue-sight> (дата обращения: 15.07.2019).

Deaf Ears and the U.S. – EU – Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment¹

J. Darsey, A.N. Stulberg

Jonathan Darsey – PhD Candidate, Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology, 781 Marietta Str., NW Atlanta, GA 30318, U.S.; E-mail: jonathan.darsey@gatech.edu

Adam N. Stulberg – Professor, Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology, 781 Marietta Str., NW Atlanta, GA 30318, U.S.; E-mail: adam.stulberg@inta.gatech.edu

Abstract

The contemporary strategic landscape between Russia and the West is marred by interlocking economic sanctions, despite little tangible evidence that they are effective. Both Russia and the West seem complacent about the “high incidence-low effectiveness” of their sanctions-related behaviour, and there are no obvious off-ramps to the continuation or escalation of current sanctions policies. What factors caused this U.S. – EU – Russian sanctions tangle, and what can be done to address it? This article addresses these questions by comparing the sanctions-related discourse of the Russian and western strategic communities as expressed in over 1,000 academic research articles published since 2010. Statistical analysis of publication output, citation patterns and the textual content of these articles reveals contending Russian and western “world views” according to which each strategic community embraces fundamentally different understandings of the meaning, objectives, processes and legitimacy of sanctions-related behaviour. This suggests that breaking the sanctions tangle will require that the Russian and western strategic communities deepen their understanding of, and engage with, each other’s world views, and in so doing re-examine the beliefs, objectives and expectations that form the basis of each side’s current use of sanctions.

Key words: sanctions; Russia; US; EU

For citation: Darsey J., Stulberg A.N. (2019) Deaf Ears and the U.S. – EU – Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 3, pp. 69–98 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04.

References

- Aalto P., Forsberg T. (2015) The Structuration of Russia’s Geo-Economy Under Economic Sanctions. *Asia Europe Journal*, vol. 14, no 2, pp. 221–37. Available at: https://www.researchgate.net/publication/284244312_The_structuration_of_Russia’s_geo-economy_under_economic_sanctions/link/56d9d5e808aee1aa5f82955a/download (accessed 15 July 2019).
- Andreas P. (2005) Criminalizing Consequences of Sanctions: Embargo Busting and Its Legacy. *International Studies Quarterly*, vol. 49, no 2, pp. 335–60. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2005.00347.x> (accessed 15 July 2019).
- Ang A.U.-J., Peksen D. (2007) When Do Economic Sanctions Work? Asymmetric Perceptions, Issue Salience and Outcomes. *Political Research Quarterly*, vol. 60, no 1, pp. 135–45. Available at: <https://doi.org/10.1177/1065912906298632> (accessed 15 July 2019).
- Aslund A. (2019) Putin Finally Tells Russians the Truth (Sort of). Atlantic Council, 26 June. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/putin-finally-tells-russians-the-truth-sort-of> (accessed 15 July 2019).

¹ The editorial board received the article in February 2019.

Funding for this research was generously provided by the Carnegie Corporation of New York.

- Bergeijk P. van, Biersteker T. (2016) How and When Do Sanctions Work: The Evidence. *On Target? EU Sanctions as Security Policy Tools* (I. Dreyer, J. Luengo-Cabrera (eds)). Issue Report No 25, European Union Institute for Security Studies. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Report_25_EU_Sanctions.pdf (accessed 15 July 2019).
- Byman D., Waxman M. (2001) *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. New York: Cambridge University Press.
- Connolly R. (2018) *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia*. New York: Cambridge University Press.
- Copeland D.C. (2014) *Economic Interdependence and War*. Princeton: Princeton University Press.
- Drezner D.W. (2003) Hidden Hand of Economic Coercion. *International Organization*, vol. 57, no 3, pp. 643–59. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818303573052> (accessed 15 July 2019).
- Drezner D.W. (2018) Economic Sanctions in Theory and Practice: How Smart Are They? *Coercion: Power to Hurt in International Politics* (K.M. Greenhill, P. Krause (eds)). New York: Oxford University Press.
- Early B.R. (2015) *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford: Stanford University Press.
- European Council (EC), Council of the European Union (EU) (n. d.) EU Restrictive Measures in Response to the Crisis in Ukraine. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/ukraine-crisis/> (accessed 15 July 2019).
- Frye T. (2017) Do Economic Sanctions Cause a Rally Around the Flag? Commentary, Columbia/SIPA Center on Global Energy Policy. Available at: <https://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/SanctionsandRallyAroundtheFlagTimFrye0817.pdf> (accessed 15 July 2019).
- Garfield E. (1955) Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation Through Association of Ideas. *Science*, vol. 122, no 3159, pp. 108–11. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.122.3159.108> (accessed 15 July 2019).
- Golikova V., Kuznetsov B. (2016) Perception of Risk Associated With Economic Sanctions: The Case of Russian Manufacturing. *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no 1, pp. 49–62. Available at: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1195094> (accessed 15 July 2019).
- Griffiths M. (ed.) (2007) *International Relations Theory for the Twenty-First Century: An Introduction*. London: Routledge.
- Gros D., di Salvo M. (2017) Revisiting Sanctions on Russia and Counter-Sanctions on the EU: The Economic Impact Three Years Later. CEPS Commentary, Centre for European Policy Studies. Available at: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/revisiting-sanctions-russia-and-counter-sanctions-eu-economic-impact-three-years-later/> (accessed 15 July 2019).
- Haftner-Burton E., Montgomery A. (2008) Power or Plenty: How Do International Trade Institutions Affect Economic Sanctions? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 52, no 2, pp. 213–42. Available at: <https://doi.org/10.1177/0022002707313689> (accessed 15 July 2019).
- Hart R. (2000) Democracy and the Successful Use of Sanctions. *Political Research Quarterly*, vol. 53, no 2, pp. 267–84. Available at: <https://doi.org/10.1177/106591290005300203> (accessed 15 July 2019).
- Hedberg M. (2018) The Target Strikes Back: Explaining Countersanctions and Russia's Strategy of Differentiated Retaliation. *Post-Soviet Affairs*, vol. 34, no 1, pp. 35–54. Available at: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1419623> (accessed 15 July 2019).
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K. (1985) *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington DC: Institute for International Economics.
- Kastakova E., Baumgartner B., Zatko M. (2018) Opportunities Lost: The Impact of the Russian Embargo on its Agri-Food Trade With the EU: Analysis by Selected Indicators. *International Organizations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 256–71. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-12>.
- Kazun A. (2016) Rally-Around-the-Flag and the Media: Case of Economic Sanctions in Russia. Basic Research Program Working Papers (33/PS/2016), National Research University Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/04/06/1127116688/33PS2016.pdf> (accessed 15 July 2019).

- Keatinge T., Dall E., Bassiri Tabrizi A., Lain S. (2017) *Transatlantic (Mis)alignment: Challenges to the US-EU Sanctions Design and Implementation*. RUSI Occasional Paper, Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. Available at: https://rusi.org/sites/default/files/20170707_transatlantic_misalignment_keatinge.dall_tabrizi.lain_final.pdf (accessed 15 July 2019).
- Kluge J. (2019) Taking Stock of U.S. Sanctions on Russia. E-Notes, Foreign Policy Research Institute. Available at: <https://www.fpri.org/article/2019/01/taking-stock-of-u-s-sanctions-on-russia/> (accessed 15 July 2019).
- Lind M. (2011) The Five Worldviews That Define American Politics. Salon, 12 January. Available at: https://www.salon.com/2011/01/12/lind_five_worldviews/ (accessed 15 July 2019).
- Long W.J. (1996) *Economic Incentives and Bilateral Cooperation*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Mowle T.S. (2003) Worldviews in Foreign Policy, Realism, Liberalism, and External Conflict. *Political Psychology*, vol. 24, no 3, pp. 561–92. Available at: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00341> (accessed 15 July 2019).
- Nephew R. (2018) *The Art of Sanctions: A View From the Field*. New York: Columbia University Press. Available at: http://irpublicpolicy.ir/wp-content/uploads/2018/05/The_Art_of_Sanctions-irpublicpolicy.pdf (accessed 15 July 2019).
- Pape R. (1997) Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, vol. 22, no 2, pp. 90–136. Available at: <https://doi.org/10.2307/2539368> (accessed 15 July 2019).
- Phillips W.G., Brown W.E., Stonestreet J. (1996) *Making Sense of Your World: A Biblical Worldview*, 2nd ed. Salem: Sheffield Publishing Company.
- President of Russia (2019) Direct Line With Vladimir Putin, 20 June. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60795> (accessed 15 July 2019).
- Schultz K. (2001) *Democracy and Coercive Diplomacy*. New York: Cambridge University Press.
- Schwemmer C., Wiczorek O. (2019) The Methodological Divide of Sociology: Evidence From Two Decades of Journal Publications. *Sociology*. Available at: <https://doi.org/10.1177/0038038519853146> (accessed 15 July 2019).
- Sescher T.S., Fuhrmann M. (2017) *Nuclear Weapons and Coercive Diplomacy*. New York: Cambridge University Press.
- Sherlock T. (2019) Russian Society and Foreign Policy: Mass and Elite Orientations After Crimea. *Problems of Post-Communism*. Available at: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1561190> (accessed 15 July 2019).
- Simes D.A. (2019) Russia's Best Defense Against America's Pressure Strategy May Be China. The National Interest, 7 June. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/russias-best-defense-against-americas-pressure-strategy-may-be-china-61692> (accessed 15 July 2019).
- Solla Price D. de (1965) Networks of Scientific Papers. *Science*, vol. 149, no 3683, pp. 510–5. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.149.3683.510> (accessed 15 July 2019).
- Thompson K.W. (1982) *Masters of World Thought*. Baton Rouge: LSU Press.
- Timofeev I. (2018) Protivodeistvie sanktsiyam: ot zakonodatel'stva k strategii [Countering Sanctions: From Legislation to Strategy]. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty* [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Tools] (I.I. Timofeev, T.A. Makhutov (eds)). Moscow: RIAC.
- Trickett N. (2019) Russia's FDI Outlook Grim, With No Chinese Rescue in Sight. Russia Matters, 11 July. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/russias-fdi-outlook-grim-no-chinese-rescue-sight> (accessed 15 July 2019).